

БУДНИ ЭДЛЕФ КЁППЕН **ДОБРОВОЛЬЦА** **В ОКОПАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ**

«...Райзигер спит, прижав трубку аппарата к уху, и слышит словно сквозь туман: „На Западном фронте без происшествий“».

18+

Эдлеф Кёппен

Будни добровольца. В окопах Первой мировой

<https://litres.ru/71004403>

*Будни добровольца. В окопах Первой мировой: Ко.Либри, Азбука-Аттикус; Москва; 2024
ISBN 978-5-389-26440-3*

Аннотация

Опубликованная в 1930 году «Фронтовая сводка» стала одним из знаковых романов о Первой мировой войне наряду с произведениями Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен», Р. Олдингтона «Смерть героя» и Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!». Участник Первой мировой войны, ушедший на фронт добровольцем с третьего курса философского факультета университета, Эдлеф Кёппен создал «монтажный роман», где оригинальные документы – цитаты из воззваний императора Вильгельма II, указы цензурных органов, газетные сообщения – органично вплетены в сюжет, а прообразом главного героя Адольфа Райзигера является сам автор.

«Фронтовая сводка» стала одной из десятков тысяч книг, публично сожженных в Германии в 1933 году, и не публиковалась в ФРГ до 1976 года, а в ГДР до 1981 года. В начале века роман вновь привлек к себе внимание, был многократно переиздан и

переведен на несколько языков.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Часть первая	8
Глава первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Эдлеф Кёппен

Будни добровольца. В окопах Первой мировой

Edlef Köppen

HEERESBERICHT

© А. Чёрный, перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус», 2024

КоЛибри®

* * *

«Беглый огонь» означает, что через десять минут частота человеческого пульса удваивается. Сердце стучит уже не в груди, а в горле. Сперва начинают дрожать конечности. Затем они восстают против команд, становятся подобны железу – частью большой машины. Шесть орудий. Одна батарея.

«Беглый огонь» означает, что спустя полчаса автоматического движения расчеты шести орудий расстегивают шинели. Что через час расчеты снимают шинели, расстегивают рубашки и засучивают рукава.

«Беглый огонь» означает, что через час в расчете у каждо-

го номера на лице мертвенная бледность, по которой густой чернотой расходятся сажа и порох.

«Беглый огонь» означает, что солдаты пытаются что-то кричать друг другу, но вскоре эти попытки прекращаются. Если и прорывается какой-то крик, в нем скорее слышен рев животного.

«Беглый огонь» означает, что гнев человеческий переносится на орудия. Шесть металлических труб шесть раз за шестьдесят секунд изрыгают смерть. Вскоре они шипят белесым паром и потеют, как люди, работающие у станка. Машины обретают кровь: стволы горячи, как в лихорадке.

«Беглый огонь» означает, что лихорадка становится заразной. Лихорадка отравляет почву. Еще недавно земля здесь была покрыта первой зеленью. Спустя шестьдесят минут зелень вытоптана, истерзана, измельчена. На земле шестикратно по две глубокие раны, в которые безжалостно вкапываются артиллерийские колеса по шесть раз за шестьдесят секунд.

Зарядили, навели, выстрелили. Зарядили, навели, выстрелили.

* * *

Спасиши мне жизнь

*Главное управление цензуры. № 123. Без подп.,
23.03.1915:*

Нежелательно, чтобы сообщения, касающиеся крупных участков фронта, публиковались лицами, которые по своему служебному положению и опыту совершенно не способны верно осмыслить все сопутствующие обстоятельства. Появление такой информации привело бы к совершенно однобокой оценке событий народными массами.

Примечание

Имена отдельных лиц и обозначения воинских подразделений – за исключением упомянутых в документах – не соответствуют действительности.

Часть первая

Глава первая

1

Мы, Вильгельм, Божией милостью Германский Император, Король Пруссии и прочая, на основании статьи 68 Конституции Германского рейха постановляем: настоящим территория рейха, за исключением Королевских Баварских областей, объявляется в состоянии войны. Данное постановление вступает в силу со дня его оглашения. Заверено Нашей Высочайшей собственноручной подписью и скреплено императорской печатью.

Оглашено в Потсдаме, Новый дворец, 31 июля 1914 г. Е. И. В. Вильгельм фон Бетман-Гольвег

МОБИЛИЗАЦИЯ

Настоящим приказываю:

Германская армия и Германский императорский флот, согласно плану мобилизации Германской армии

и Германского императорского флота, приводятся в боевую готовность.

2 августа 1914 г. назначается первым днем мобилизации.

Берлин, 1 августа 1914 г. Е. И. В. Вильгельм фон Бетман-Гольвег

НЕМЕЦКИЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ

На основании статьи 98 Военного и оборонного уставов любое лицо, не подлежащее воинской повинности, при объявлении мобилизации может выбрать воинскую часть (запасной батальон и т. п.) по своему усмотрению. Если же данное лицо не сделает этого, им распорядятся при ближайшем призыве на военную службу. Добровольцами в запасные части могут записаться все невоеннообязанные, а также несовершеннолетние в возрасте от 17 до 20 лет¹, если таковые не находятся в районах, где проводится набор в ландштурм².

1 августа 1914 г.

¹ По законам Германского рейха возраст совершеннолетия наступал в двадцать один год.

² Вспомогательный резерв германских вооруженных сил, созывавшийся на время войны.

Студент Адольф Райзигер, род. 1 апреля 1893 в Гентине, обследуется на предмет годности к воинской службе.

Заключение:

Рост: 1,72

Обхват груди: 78/87

Физ. недостатки: Н В 85

1 А 55 левая

1 А 75 плоскостопие

Н = 1

S = вместе – 66/6

Годен.

Др. Яковски, 16 августа 1914 г. 96-й Корол. прусск. полев. артил. полк / Зап. бат.

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ГЕРМАНСКОГО РЕЙХА

Мы, преподаватели университетов и высших школ

Германии, служим науке и занимаемся мирным делом. Но нас переполняет возмущением то, что враги Германии во главе с Англией желают, будто бы для нашей же пользы, создать распрю между духом немецкой науки и тем, что они называют прусским милитаризмом. В немецкой армии нет иного духа, кроме духа немецкого народа, ибо оба они едины, и мы также сопричастны ему. Наша армия также печется о науке и, во всяком случае, благодарна ей за ее достижения. Служба в армии делает нашу молодежь способной ко всем мирным делам, включая науку. Ведь она воспитывает в молодежи самоотверженную верность долгу, дает чувство собственного достоинства и чести истинно свободного человека, добровольно подчиняющего себя целому. Этот дух жив не только в Пруссии, он одинаков во всех землях Германской империи. Он тот же и на войне, и в мире. Сейчас наша армия сражается за свободу Германии и вместе с тем за все блага мира и цивилизации – не только в Германии. Мы убеждены, что спасение всей европейской культуры зависит от победы, которую одержат немецкий «милитаризм», дисциплина, преданность, жертвенность единодушного свободного немецкого народа.

Берлин, 16 октября 1914 г.

Добровольцу Адольфу Райзигеру

ПАП 96

В штаб полка

Полевая почта

23 октября 1914 г.

Мой милый мальчик! Вот уже целый день и целую ночь ты вдали от нас. И когда эти строки догонят тебя, ты, наверное, уже давно будешь стоять лицом к лицу с врагом. Мы правда не знаем, сколько еще продлится война, и я бы уж лучше предпочла тебя больше никогда никуда не отпускать, но, с другой стороны, мне нужно понимать, что вам, молодым людям, нету покоя и мне остается лишь желать и надеяться, что ты вернешься здоровым.

Мне было тяжело пережить вчерашнее прощание. Конечно, всё переживается иначе, когда, вот как вчера на вокзале, можно утешиться мыслью, что я не единственная мать, вынужденная отправлять свое дитя навстречу врагу.

А кроме того, у меня сложилось впечатление, что вы с товарищами с большим удовольствием сели в поезд. Мы сразу же, как эшелон тронулся, поехали домой, так как у отца еще были дела. Но я совсем почти не могла уснуть. Ты же знаешь, что вокзальный шум

очень сильно слышен из нашей квартиры, а прошлой ночью это всё было особенно громко. Один товарняк за другим катился на Запад. Совершенно невозможно представить, откуда явились все эти массы солдат, которых Германия подняла на ноги, и как всё это функционирует.

В газете вчера было про особенно ожесточенные бои к северо-западу и к западу от Лилля. Сам понимаешь, я с большой тревогой думаю, не разгрузят ли в итоге ваш эшелон прямо там.

С отцом я сегодня утром только мельком поговорила, но он просит тебе передать, что очень горд осознавать, что его мальчик тоже на поле боя (как по мне, лучше бы ты и дальше учился). Между прочим, говорила сегодня днем с бургомистром. Все считают, что война определенно кончится к Рождеству.

Пожалуйста, напиши, как только получишь эти строчки, и не забывай, что обещал посылать мне весточку каждый день.

С любовью,

твоя мать

5

Письмо вручили добровольцу Райзигеру, едва он прибыл с эшелоном пополнения в штаб-квартиру действующего полка полевой артиллерии № 96.

Сюда они добрались после полудня, усталые как собаки.

Их подразделение привели в сад и построили в два ряда лицом к большой белой вилле. На веранде офицеры пили кофе.

«Ну где война? – думал Райзигер. – Мы уже на фронте?» Два дня назад пришлось выйти из вагонов: дальше поездам ходу не было. Двигались пешим порядком через развалины деревень. Потом ночью, в сарае, глухая дрожь в ушах: «Слышали, стреляют? И что теперь? Офицеры почему в тужурках, без оружия? А где орудия? Где враги?»

– Смирно! Равнение направо!

Старший офицер поднимается по ступенькам на веранду, младшие за ним. Ага, командир полка. За ним, с толстым журналом, батарейный вахмистр.

«Сейчас поприветствуют, – думал Райзигер, – как подмогу, как товарищей, пришедших на помощь».

Но нет. Командир только машет «Вольно», сует себе сигаретку в зубы, испытующе оглядывая новобранцев. И ничего не говорит. Ни слова. Наконец машет еще раз:

– Ну, давайте, батарейный вахмистр!

Происходящее напоминает аукцион просроченных ненужных товаров. Вахмистр идет вдоль строя, проверяет ряды, тыча то одному, то другому в грудь:

– Вы в первую батарею... вы в четвертую... вы в легкую колонну.

Так всё и идет: недружелюбно, без всякого интереса.

Райзигер видит, что почти всех добровольцев оприходо-

вали. Один за другим они выступают из строя, становясь по сторонам, а он всё стоит. Стоит совершенно один.

«Меня что, забыли? Я ж сюда добровольно записался. Это невозможно, чтоб вахмистры просто проходили мимо меня. Остальные уже маршируют прочь...»

Наконец самый толстый из вахмистров тычет ему указательным пальцем в воротник и в портупею:

– Доброволец что ли? Заметно!

Кровь ударяет Райзигеру в голову: «Я что, экспонат? Все насмежаются надо мной». Он глядит в их толстые хохочущие лица. Приходится сглотнуть, чтобы скрыть волнение.

Толстый вахмистр дает ему тычок в грудь:

– Ну ладно, забираю тебя. Может, получится сделать из тебя солдата. Легкая колонна боепитания номер два, понятно?

После этого он отворачивается, заводя разговор с лейтенантом, стоящим поблизости.

Впервые с тех пор, как Райзигер стал солдатом, появилось это чувство – что он совсем один. Что он слишком молод, совершенно беззащитен. «Это и есть жизнь солдата на фронте? Это что, товарищество перед лицом врага?»

Он всё стоит, застыв, таращится на белую виллу.

Офицеры не спеша поднимаются на веранду. Толстый вахмистр следует за ними.

Вскоре является какой-то бородатый солдат.

– Ну что, пошли, что ли, камрад, – говорит он. – Ты та-

щишь карабины. Я несу твой ранец. Вот так, впереди я пойду.

6

*...Не случилось ли всё ровно так, как пишут в букварях? Хороший, благородный, верный немец Михель; черный, гнусный Русский, ошибочно наделенный почетным титулом европейца; подозрительно выжидающий Англичанин, а внизу, на юго-востоке – Балканец, бросающий бомбы, убивающий и предающий. Всё – как в азбуке! Можно сожалеть об этом в плане политическом, но не следует ли благословить народ за то, что он позволил себя обмануть из чувства верности и доверчивости, – и в этот механизированный век, как и столетия назад? Никакого «военного энтузиазма», никакого «огня», как это бывает в романах, никакого порыва вечно окрыленных души – лишь чувство сомнения и недовольства, простое чувство мужчины-защитника, благородное, почти беззвучное, смелое – в высшей степени **моральной** кажется мне та движущая сила, что привела этот народ, столь тяжёлый на подъём, в столь неслыханное движение.*

(Эмиль Людвиг. Моральная польза. «Берлинер Тагеблатт», 5 августа 1914 г.)

Расположение ЛКБ 2, деревенька к югу от Арраса. Райзигер выходит с товарищами из садика при штаб-квартире на дорогу.

Здесь никакой войны нет. Кругом носятся дети и женщины, они сидят у дверей, улыбаются идущим мимо солдатам, приветствуя их на ломаном немецком: «Гуттен ам!»

– Тебе тут понравится. У нас тут совершенно стабильная жизнь, – говорит Райзигеру камрад. – Ну, ты пока порядком устал. Сперва бы поспать приткнуться.

Затем рассказывает, что он тут с самого начала. И еще про семью рассказывает. Что был возчиком у пивоваров из Гарца. Что его Францем Цайтлером зовут. Да, и еще перед самой мобилизацией получил он двух лошадей от одной пивоварни, просто блеск. И что с ними пришлось расстаться, и что это хуже, чем жену и пятерых детей оставить:

– Старуха моя только ругалась целыми днями. Что ж, хоть тут нам покой. У войны есть и хорошие стороны.

Он вталкивает Райзигера в какой-то дом.

– Вот тут наша квартира, – открывает дверь. – Раньше тут школа была.

Большая побеленная комната с черной доской на стене. Парт нет. Посредине стол, а вокруг него несколько стульев и больших ящиков. За ними, на возвышении, кафедра. В ком-

нате двое солдат.

Никто не отвечает. Оба даже не оторвали взгляд от стола. Перед ними походный котелок, колбаса в бумаге. Ужинают.

У каждого в руке по ножу – нарезают колбасу и хлеб, отправляя их неспешно себе в рот.

Райзигер чувствовал непреодолимую усталость. А еще горело лицо. Смутился: «Что я должен сделать? Еще раз пожелать доброго вечера? Может, представиться? Или просто руки им пожать?»

Наконец молчаливое собрание зашевелилось.

Цайтлер развернул газету, достал и положил перед собой большой жирный шмат свинины. Мясо заколыхалось. Трое молчунов очнулись от спячки.

– О, Франц, опять ты сытно живешь, – сказал один.

– Глянь-ка, у Франца новая невеста, – сказал второй.

Франц выпятил грудь, проведя по бороде: «Ага». Отхватил длинную полосу сала и невозмутимо отправил ее в глотку.

Проглотил и облизал пальцы. Тут он заметил, что Райзигер не предпринимает никаких мер к распаковке своего ужина.

– Тебе что, и заправиться нечем? – спросил он. – Прости, парень, забыли на тебя провианта взять. Всё осталось в полку, – тут он вскочил. – Но будь спок, у папочки есть кое-что.

Он принес вторую картонку и достал колбасу:

– Так-с, мели всё дочиста, мы тут, знаешь, не бедняки. Вот

тебе хлеб, вот харч.

Райзигер растаял от такого приема. Ел, не поднимая глаз. Давно уже не было так вкусно.

Тем временем остальные бережно завернули остатки еды в газету. Сунули себе по сигаретке, оперев головы на руки. Начался опрос:

– Студент, что ли?

– Да.

– Ну, с нашим вахмистром не разживешься. Он учащихся поедом ест. А я молочник.

Говорившего звали Юлиус Штёкель. Выглядел он как тюлень. На голове короткая черная щетина, обвислые черные усы, озорные глазенки, весело поглядывавшие по сторонам. Казалось, он тут главный остряк всей казармы. По ходу беседы он всё больше оживлялся и, наконец, во всех подробностях рассказал историю своего брака. В тех местах, что казались ему особенно комичными, он с треском шлепал Райзигеру по бедру или яростно скреб себе голову раскрытым перочинным ножом, которым до этого ел.

Его главным сотоварищем был Роберт Штрюмпель, хлебобёк с прозрачными водянистыми глазами и бледным отечным лицом.

Этот был хвастун. Каждым словом подчеркивал разницу в положении между собой и обычным молочником. В этом ему помогал его ганноверский выговор. Самым важным из рассказанного им Райзигеру была история его бракосочетания

во время войны. Трогательно. Если верить хотя б на пятьдесят процентов, можно было и впрямь представить: пекарь взял себе жену, вероятно, из правящего княжеского дома, и теперь эта нежная девушка, несмотря на военное время и на то, что заведует пекарней, день и ночь щеголяет в одних шелковых рубашках.

А что же Цайтлер? Дослушав с нетерпением до конца красочный рассказ Штрюмпеля, он развеселился. Его рассказ был в совсем другом тоне. Жену он звал «цепная пила» или «бешеная тварь»:

– Приходилось раз в день давать ей тумака, иначе с ней не ужиться!

Но с ним еще живет невестка. Невестка красивая, как солнце! Так, мол, и так.

Лишь когда свеча на столе угрожала растечься стеариновой лужицей, Цайтлер поднялся. Пора поспать!

Райзигер опять растерялся: как в походе спят? В гарнизоне учили, что вблизи противника солдату надлежит оставаться хотя бы в шинели и в сапогах, а ремня не снимать.

Да, ну и что? Он наблюдал за остальными.

Те и не думали держаться предписаний. Шинели скинули еще перед ужином, а теперь поснимали сапоги и аккуратно повесили их на гвозди, вбитые в стену у изголовья. Затем на каждой лежанке поверх соломы постелили войлок. Растянувшись на нем, громко отдуваясь, накрылись вторым.

Райзигер получил в гарнизоне только одеяло. Теперь ло-

житься придется на голую солому? Но у Цайтлера и на это был совет:

– Тебе, Райзигер, я завтра украду отменного войлока. Сегодня оба просто полежим под моей накрывашкой. Давай, дуй сюда.

Райзигер стянул сапоги впервые за пять дней, ноги горели. Но едва лег, стало легко. Просто немного непривычно: с чужим человеком под одним одеялом.

И всё равно он быстро заснул.

Однажды среди ночи проснулся, прислушался. Вдали слышался глухой рокот, временами какой-то шум, чуть более резкий... Он вскочил. Хотелось сесть. Но не хотелось тревожить Цайтлера! «Это война, и это, наверное, фронт», – подумал он. Его охватило сильное волнение: вот бы вперед, вперед! Спустя несколько минут глухой рокот еще не утих, он преодолел робость, тихонько откинул общее одеяло и на ощупь пробрался к окну, крестом черневшему на фоне неба. Снаружи смотреть было не на что.

Взобрался на подоконник. Горизонт то и дело вспыхивал красноватым светом, озарялся широкими белыми полосами.

Долго так стоял Райзигер.

Только когда затрясло от холода, он заполз обратно в солому.

Наш кронпринц телеграфирует о роме!

12 чашек отличного чая с ромом – доставка полевой почтой, 15 пакетов, готовых к отправке – выставлены на распродажу. 1 бандероль – 9 марок.

Тюринг. пиц. фабр., Берлин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.